

Новые спектакли Камерного театра

Камерный театр привез в Ленинград и ставил п новые свои спектакли. Мы опять увидели «Адриенну Лекуверр», «Мадам Бовари», спектакли, которыми еще до недавних пор определялся стиль театра. Из новых работ мы познакомились с постановкой комедии Кальдерона «Дама-невидимка», пьесой Аркадия Мовзона «Константин Заслонов» и В. Кожвинкова и П. Прута «Судьба Реджинальда Дэвиса».

Наиболее удачным спектаклем оказалась «Дама-невидимка», поставленная режиссером В. П. Ганитным. Нас никак не может удовлетворить его режиссерская трактовка. Старая испанская комедия, как и пекспировская, требует атмосферы праздника, приподнятости чувств и настроения. Здесь каждый персонаж поделен в избытке волей, энергии, юмором. Внутренние силы ищут выхода и могут его найти в чем угодно. Персонажи, как это и происходит в «Даме-невидимке», могут с величайшим увлечением разыгрывать пустяшную фабулу, бороться с несерьезными препятствиями, — в этом их юмор, в этом их забава.

Если же отнять у комедии Кальдерона её юмористическую настроенность, её общее воодушевление, а так делает Камерный театр, то получится опера без музыки, элементарная пьеса с ребячески неправдоподобным сюжетом. Камерный театр играет в пьесе Кальдерона не настроенно, по голый сюжет, и спектакль становится бедным, прозаичным, малоосмысленным. И кажется уже совсем неправдоподобной эта возня совершенно трезвых, взрослых людей, хлопочущих около каких-то ничтожных препятствий, которые при желании нетрудно преодолеть.

В спектакле приятна игра двух актрис — Л. А. Врублевской и М. З. Фоминой. Бударов же в роли комического

слуги Косме впадает в довольно грубое скоморошество. Комедийного ансамбля, которого требует Кальдерон, ансамбля, музыкально организованного, в спектакле нет. Для разработки же персонажей по индивидуальным характеристикам Кальдерон повода не дает, поэтому актерская игра в спектакле мало содержательна. Хочется сказать несколько слов и о переводе. Мы, ленинградцы, избалованы прекрасной передачей испанского театрального стиха в переводах М. Лозинского, которым пользовался наш Театр комедии. И нам после этого трудно примириться с переводом «Дамы-невидимки», сделанным Т. Шенкиной-Куперник: стихи звучат со сцены бесцветно, они лишены драматической энергии.

Пьеса белорусского драматурга Аркадия Мовзона «Константин Заслонов» трактует живую и важную для нас тему борьбы советских людей с захватчиками на оккупированных немцами территориях. Ее герой — железнодорожник станции Орша. Инженер Заслонов — тайный руководитель этой борьбы. Острота пьесы в том, что Заслонову верят немцы и не верят советские люди, не подозревающие, о каком замысле пришел этот инженер на службу к врагам. Лишь постепенно союзники и друзья опознают друг друга. Мовзон — способный драматург, с чувством сцены и драматического сюжета. В его пьесе — юношеский романтизм, патристическое воодушевление, радость победы. Но в ней есть и упрощенные характеры, и чрезмерный упор на события, на фабульность. Герой пьесы умен, его действия от лично продуманы, он все время состоит в поединке с врагом. Но автор гной раз переносит, и пьеса становится в извращенных эпизодах только лишь состязанием на первенство ума и воли. Театр

не позволяет себе увлечься ошибками автора. Артист С. В. Бобров играет Заслонова большим, крепким, петоропливым человеком, без суеты справляющимся с самыми трудными и рискованными положениями, решительным без аффектации, острым и удачливым в замыслах, без всякого самодовольства. Этот герой без шума и по какому-то естественному праву овладевает ходом событий. Театр показал образ незаурядного советского человека, индивидуального своим поведением, своей разумной волей. Хороши в спектакле старик-рабочие и молодежь.

Много сделали для спектакля в ролях доктора Гуго Хирта и майора Траутниша артисты С. С. Цепин и Н. Н. Чаплыгин. Цепин играет закованного на хороших хлебах ученого немца, делающего глупость за глупостью, но слишком самоуверенного, чтобы замечать собственные промахи.

Чаплыгиным майор из гестапо сделал толко и ядовито. Игра Чаплыгина — пример того, как актер, отождествляя себя на сцене с образом врага, в то же время может пахотиться словно вне этого образа как критик, как разоблачитель.

Этот механизированный немец внешне чрезвычайно выразителен, но все же он самое главное держит про себя; и постепенно выясняется, что тайна его — это глубокая безнадежная неуверенность даже в минуты военного торжества. Он внутренне слаб и поэтому жесток. Его беспощадность к русским происходит из того, что он предчувствует в них победителей.

Режиссером Лукьяновым «Заслонов» поставлен так, чтобы дать простор актеру. В этом спектакле много богатых и подчас острых человеческих характеристик.

Самый значительный из новых спектаклей театра — «Судьба Реджинальда Дэвиса», пьеса Кожвинкова и Прута. В этом спектакле показаны серьезные политические столкновения, происходящие в современной Европе. Вчерашние демократы стали тайно, а то и явно подыгрывать фашизму. Прежние друзья разделились, их дружба оказалась мнимой.

В пьесе выводится большой приморский город с населением славянским, итальянским, с англичанами и американцами на положении оккупантов. На славян, вчерашних союзников, они исподтишка напускают вчерашних врагов, илет торгов, расхищено занятой территории, творятся вещи, изумительные по цинизму и предательству.

Тот, кто верил политическим программам, имевшим хождение в годы войны, с трудом осваивает новое положение: сначала не понимает, а потом медленно трезвеет. Отрезвление не до конца, болезненное, трудное, это и есть судьба капитана Дэвиса, который вчера сражался вместе со славянскими партизанами, а сегодня, к стыду своему и ужасу, наблюдает, как обходится со своими бывшими союзниками воспо-политические власти его собственной страны.

Лучше всего театру удалось массовые сцены, в частности, бунт и открытое возмущение американских солдат, начинающих понимать, для чего их сейчас, когда кончилась война, правительство держит под ружьем. Высшая точка спектакля — сцена демонстрации. Население города хоронит товарищей, погибших от фашистского террора. Власти мешали демонстрантам, но они прорвались на главную площадь, где должен был состояться парад войск. Сами солдаты помогли демонстрантам выйти на эту площадь — войска опоздала.

Перед зрителем — лужи с англо-саксонским командованием, генералы, застигнутые врасплох: они предполагали принимать парад, а вместо этого их заставили принимать демонстрацию. В глубине сцены разворачивается огромное красное полотнище, его просят медленно и торжественно. Генералы для приличия салютуют демонстрантам. Отлично удалась эта жесткая — неохотно поднятые, застывшие в воздухе, лишенные собственной воли генеральские руки.

Следует, однако, отметить, что авторы пьесы исходят из неправильной условности, будто в политической пьесе каждый

персонаж должен быть политиком. Это вообще неверно, в отношении же к современному Зюнаду, с его властью обывательщины, частных интересов это в особенности нереально. Слишком уж бойко толкуют все эти американцы и англичане, большие и малые, на сложные политические темы, слишком много у них готовой, продуманной фразеологии, слишком часто упоминают Рузвельта и его принципы. На деле же без средних ячлики и англичан именно в том, что они мало приучены политически осмысливать события.

В несколько запутанном положении оказывается артист М. Е. Дипин, играющий Дэвиса. В Дэвисе очень сильно чувство волнского товарищества к партизанам-славянам. Это чувство в нем оскорблено, и он постепенно вытягивается в политические интересы. Но авторы с первых сцен слишком решительно двинули Дэвиса вперед, сделали его чересчур активным и смелым. Потом авторы направляют и отнимают у своего героя одно за другим чересчур рано приобретенные им свойства.

Главный герой пьесы по своему внутреннему движению регрессирует, он идет обратным ходом, актеру приходится играть не только колебания героя, но и колебания драматургов. Образ теряет цельность и ясность.

Эти замечания несколько не умаляют заслуг пьесы и спектакля. Таков поставил спектакль, несущий зрителю политическое просвещение, создающий эпизоды, в которых есть настоящий подъем.

Камерный театр в каждом новом спектакле испытывает новые пути и средства. Безусловно, у него есть главное — умение создавать большие советские спектакли. Нужно надеяться, что театр соберет всю длину все эти разбросанные пока свои актерские и режиссерские средства, сделает ставку на все собранные им силы и создаст много новых полноценных спектаклей, которых ждет от него зритель.

Проф. Н. БЕРКОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА
28 АВЕ 1947
Ленинград